

"ДОНБАССКИМ" назвал Александр Проханов наступивший период русской истории в одной из своих программных статей. Эта мысль обусловлена не только современными геополитическими и военными обстоятельствами — есть нечто большее, что можно именовать метафизикой, Божественным промыслом, историсофией.

Русское время было подобно воде, которая после долгих дождей искала берега, стремясь превратиться в могучую реку. Этой новой рекой русского времени стал Донбасс. Берега реки — траншеи и окопы. Её водовороты — воронки, оставшиеся после разрывов снарядов. Её рукава — пути наступлений русской армии. Её волны — пульс русского мира.

Донбасс преобразил всё. Он выстроил череду событий в ином порядке и в настоящем, и в грядущем, и в прошлом. Нынешний историк неминуемо становится донбассоведом. Но я никогда не был историком в чистом виде, мне неведомо, что изучает история как таковая, за чем она хочет угнаться, что выявить, что объяснить. Мне внятна история культуры, философии, искусства, история литературы.

Русская литература всегда исторична, в ней всегда живёт если не событие, то дух эпохи. Русская история всегда литературна, она ищет интересного повествования, особого жанра, замысловатого сюжета. Что есть история без литературы? Собрание сухих фактов. Архивы и описи документов, малодоступные и малоинтересные рядовому человеку. Чтобы история стала общим наследием, чтобы её сбережение оказалось общим делом, она, прежде всего, должна обрести язык и образы.

Русское время сорпало историю и литературу, "Повесть временных лет", "История государства Российского", "Полтава", "Капи-

ГОВОРИТ ДОНБАСС

Поэзия русского возрождения

танская дочка", "Война и мир", "Жизнь Клима Самгина" — это и словесность, и историография. Нестор Летописец, Карамзин, Пушкин, Толстой, Горький равно уютны и Клио, и Каллиопе.

Ни одна война, ни одна битва — от "Слова о полку Игореве" и "Задонщины" до "Севастопольских рассказов", "Горячего снега" и "Чеченского близца" — не обходились без "песца во стане русских воинов". Именно он превращал "незначимые" войны в войны "священные". Именно он запечатлел и возвеличивал весь народ в Василии Теркине, Петре Лопухине, капитане Тушине.

Многолетняя антология о Донбасской войне уже собирается. Как раскалённые угли, выхвачиваются из жизни поэтами и писателями эпизоды, люди и слова. Красный флаг, алой зарёй поднявшийся над освобождённым городом. Младенец, уснувший на коленях матери в полумраке многолюдного подвала. Луганское "наконец-то Россия пришла" в ответ на "Аллах акбар" чеченского батальона. Эта антология уже становится онтологией. Но донбасский период русской литературы — не только сказание о войне, это новая весть о мире. Новая высота смыслов, на которой жизнь всего народа превращается в житие.

Донбасский период русской литературы — это пробитый тромб литпроцесса. Это новая эстетика. Эстетика сакрального реа-

лизма, где всё земное становится небесным, и всё небесное обретает плоть. Постмодернизм и фотографический реализм здесь бессильны. Закончилось время иронии и десакрализации. Закончилось время обыденного разговора об обыденном.

Лучами солнца на заре
использованы предметы,
день предстает, как Назарет,
собой благовествуя свету,
что, завершив годичный круг,
от рубежа седьмой, особей,
в знак избавления от мук
день Рождества настал. Иссопом
в холодном крошечке зимы
нас окроплет сошедший с неба
содетель Любви. А мы
и малым обоглели вполне бы,
но мера благости Его,
как жизнь сама, непостижима,
и облачается легко
земля в ночной покой,
как в схиум.
(Анаст Агабекян, Донецк)

Донбасская вежа русской литературы — накопление писательского опыта, слово пограничных состояний, как никогда острое ощущение того, что смерть — дьявольская закономерность, дьявольское правило, а жизнь — счастливое божественное исключение.

Донбасский период русской литературы — это новый язык: огненный и родниковый. В нём нет повседневной теплоты. В нём нет тот язык, на котором говорят в офисах и который треплут в мессенджерах и соцсетях. Язык, одухотворённый Донбассом, — это огненный корень слова. В нём колыбельные напевы нашей общеславянской праматери. В нём ангельский расцвет, который можно услышать только в православном храме:

Ты — эпоха и мессия,
Я — печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно цву у реки,
Словно плань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флагу — для солдата,
И для путника — ручей.
Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригужу когда-нибудь...
(Елизавета Хапланова, Макеевка)

Светский язык от всего этого отдалился, а Донбасс вернул утраченное. Вернул осознание, что язык не достаётся даром, что за него надо быть готовым умирать, как за высшее достоинство и честь. Языка тихой лирики или деревенской прозы новому времени уже недостаточно. Нарож-

дается язык, в котором предстоит ужить гармонию и какофонию, молитве и брани, исторгаемой на поле брани. Нарождается новый словарь живого языка, и Владимир Иванович Даль, Казак Луганский, уже благословляет нынешних лексикографов на словесное собирательство.

Новая литература вызревала восемь лет, с 2014 года, страдала и ликовала, рыдала и пела, рождала поколение с глубоким поэтическим дыханием и крепкой творческой волей. И вот теперь зрелым плодом падает в читательские ладони. Я помню это созревание, помню конкретных людей и события. Помню, как встретился от строк донбасской поэтессы

Лины Логинской:

Эх, судьба-судьбина.
Красная калина.
Вдоль поля рябина.
Под рябиной крест.

Эх, была краина —
Низька-Украина.
Чистая дичина
Потеряла честь.

Страшная година.
Чёрная темнина
Улегалась под тыном
Да рябину ест.

Помню творческий семинар для донецких школьников. В их ясных очах сияла вечная лазурь, от них исходил неотмирный свет. Настрадавшиеся, познавшие и "прилёты", и многомерное сидение в подвалах, они, казалось бы, с только-только прорезавшимся талантом, уже обрели писательскую судьбу, и оттого в каждом слове были более зрелыми, чем их беззаботные ровесники, живущие за тысячи километров от линии фронта.

Но литература Донбасса — не литература конкретной территории или авторской прописки. Сегодня вся русская словесность — донбасская. Все русские губернии, города и веси, все подлинные поэты и прозаики вступили в донбасский период русской литературы. Автомобилизованные в творчестве отдельных авторов, но расслабленные в литературном процессе в целом, в последние годы не закалённые эстетическими спорами, философскими поисками, "тоской по мировой культуре", мы, наконец, заговорили, преодолевая заикание и немощь, как новая национальная литература. Пусть в нынешнюю эпоху у нас, в большой России, не оказалась Блока, который девушкой, что "пела в церковном хоре", был метафизически пригужен к "Скифам", или Гумилёва, что уже в "Романтических цветах" разглядел, как "сладко рядить победу". Но многих из реки русского времени выбросило на донбасский берег, как рыб, и теперь они судорожно пульсируют жабрами, ищут новые слова, будто учатся дышать в новом пространстве, будто впервые постигают речу.

Литературоведческий и критический ранжир, выявление вершинных произведений ещё впереди. А сейчас литература нарождается как эпос, как народное единство в слове, как общее бытие, заплывшее претенциозную творческую личность. Как миф о сотворении мира, рождении донбасского солнца и донбасской лиры. Донбасс становится мерой всех вещей, мерой всех идей. Всё в его сиянии, в его звучании ощущается ярче, отчётливее.

Откройте сердца, напрягите слух, отриньте суету и шум! Говорит Донбасс.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Я люблю писать о фильмах, но не в качестве киноведа — я выступаю в роли зрителя, при том внимательного и часто — введённого. Для нас "важнейшим из искусств" по-прежнему является кино — с его помощью легче всего раскрываются тайные ларчики прошедших эпох. Герои — типичны, и на их примерах мы учимся распознавать историю.

ФИЛЬМ О НЕ СЛУЧИВШИХСЯ ВОЗМОЖНОСТЯХ

Потрясающий киноленту Георгия Данелии и Геннадия Шпаликова "Я шагаю по Москве" когда-то критиковали (впрочем, несправедливо) за отсутствие омысленного сюжета и единой линии повествования. Фильм как бы распадается на фрагменты и создаёт ощущение "ничёмности". Сейчас можно с точностью сказать, о чём это. Здесь — радостная и яркая история о возможностях. О том, что каждый человек вправе сотворить своё будущее по собственному желанию, а сама эпоха будет этому благоприятствовать. Нескончаемая радость: все молодые и слегка талантливые, кроме тех, кто не может стать юным и легкокрылым.

Начало: утро и девушка, точнее, уже чья-то жена, встречающая мужа. Она пританцовывает и сообщает миру, что у неё всё хорошо. И у всех там — прекрасная, солнечная обыденность. Даже если работаешь под землёй в Метрострое, как персонаж Никиты Михалкова — улыбчивый Коля.

плывём к Чёрному морю, а? Тебе в армию? Ах, да. А после армии?

Люди не могут, в принципе, вообразить, что "после армии" или через несколько лет будет какая-нибудь досадная невозможность. Невозможность Чёрного моря — это как? И писателем-прозаиком вполне можно стать, как сибиряк Саша, и напечататься в популярном журнале "Юность". О чём его рассказ? "О хороших людях", — говорит автор. И этого, по сути, достаточно. Люди — хорошие, Сибирь — осваивается, московское метро — строится, а если "летний дождь прошёл", как поётся в песне, — это ещё лучше. Время радостного предвкушения ещё большего счастья и ещё большего солнышка.

Продавщица Алёна удивляет изысканностью и разносторонностью — она не просто работает в музыкальном отделе, она что-то понимает в гармонии. Как все хорошие девушки, хочет поехать в тайгу. Нелзя не хотеть в тайгу — там романтика и стройки. "Мы для вас магазин построим", — буднично и радостно обещает Саша. Далее общение с маститым писателем, у которого не только жилплощадь аэро-

данный молодым гением (Элем Климов в своей дипломной работе удумился показать себя). Вместе с тем, весёлая история о пионерлагере непростая, и это заметили уже в 1960-х. Да, все в курсе, что премьера состоялась 9 октября, а Никиту Сергеева с его волюнтаризмом сняли 12 октября 1964 года, и бутарфорские похороны бабушки — это натурально "закапывание" Хрущёва.

Ещё момент: настоящие 1960-е — это не хрущёвская оттепель, а ранний Брежнев, который эдак резко многое разрешил. Но это так, к слову. На сию тему написаны тонны букв. Я буду вообще о другом — о том, что начальник лагеря Дынина... исключительно хорош и, если смотреть глазами взрослого человека, его, Дынина, становится жалко. Это зрелость, когда начинаешь 1) сочувствовать Рихельне, а не д'Артаньяну и 2) понимать товарища Дынина.

Первое, о чём следует помнить — начальники и пионервожатые отвечали (и отвечают) за травмы и, не дай бог, смерть детей. Итак, наш Костя Иночкин решает потягаться с деревенскими пацанами и уплывает из "загончика". Великолепно! Мальчик под-

вот они тусовались в палатках, при кострах. Энергетики — богатые, могли себе позволить шикарный лагерь, а вот чаеразвеска — нет.

А Митрофанов? Крикнул: "Айда, купаться!", а потом что? У него своё кресло и своя служба. Очень легко быть крутым и демократичным, если ты не отвечаешь за процесс и результат. В финале мы видим Дынина, покидающего лагерь. Отстригли за формальное отношение к деточкам? Или за скупные мероприятия? И что? Начнётся купание по ночам и Вудсто-рок для самых маленьких? А потом эти "особождённые" страдали даже от лёгочных правил эпохи "застоя", когда можно было жить параллельно системе.

МАСЯНЯ И ПРОТЕСТ

Народ в соцсетях возмущался давеча: "Олег Куваев... Как он мог? Он что, враг или дебил?" Я изумилась, ибо для меня Олег Куваев — это давнишним умерший писатель, создавший одно из лучших советских произведений — "Территорию", но оказалось, что это иной Олег, хотя тоже Куваев. Какова эра, таков и Куваев. Олег.

Обсуждали того Куваева, что создал Масяню — мультяшную девушку из Питера, отчаянную и развязную, с пивком и компьютерными играми, пустыню, но добрую и оптимистичную. Приключения смешной Масяни быстро сделали популярными, а её образ — промадная голова с несколькими волосинками, короткая маечка и радикальные минь — стал узнаваться сразу.

То был символ позолоченных-нулевых — лучшего десятилетия моей жизни, пришедшего на тридцатилетнюю зрелость с её офисным опенспейсом и яппи-грёзами.

Повышенный интерес к Масяне, её парню Хрондею и "другу семьи" Лохомату слышнл так же быстро, как и начался — уже к середине 2000-х эти искромётные ролики не вызвали ажиотажа, и "новую Масяню" особо никто не ждал.

Почти все комиксово-мультимпликационные герои проходили стадию "вау!" и стадию "увы!". Это хорошо расписано у Владимира Набокова в "Камере Obscura", где главгерой нарисовал морскую свинку Шееру, которая сначала завоевала мир, а потом всех достала. С Масяненькой — та же лав-стори. Однако сия петербурженка внезапно возмстала из информационного небытия, ибо сейчас это проще простого. Она ворвалась в интернет-эфир со своей критикой спецоперации.

Не буду пересказывать всю фабулу этой малодостойной серии — во-первых, это противно, а во-вторых, таянет на экстремизме. Ограничусь тем, что Масяня и её товарищи поддерживали укро-хунту, и в дурашливый мульт оказалась "вкручена" идея дискредитации российских Вооружённых сил, не говоря уже об оскорблении президента (ст. 319 УК. Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением).

Ныне времечко такое — герои вчерашних дней и просроченные рокеи напоминают о себе активной критикой СВО. И вот Олег Куваев выступил. А в ответ: "Масяня, и ты?! Как?! — блогеры стряпали демомотиваторы и портреты девушки в траурной рамке. Мол, хороним воспоминания о Масяне, нашей общей приятельнице.

Но в таком выступлении Масяни ничего удивительного нет — именно масяне-подобные девчонки, читавшие в 2001 году "Птёну" и колбасившиеся под рейв, стали "креативными" тётками в начале 2010-х и заделались кастомом "боготного" стоняния (и торчания). Они требовали свободы Пуссам Райот, бегали на митинги навалыновской оппозиции, а теперь им — уже сформировавшимся "гражданкам мира" — самое то — поддерживать Зеленского. Вот кабы Масянечка принялась цитировать Холмогорова — тут бы я подивилась.

Галина ИВАНКИНА

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Старые фильмы: о чём они?

Кадр из фильма «Я шагаю по Москве» (1964 г.)

Солнце 1960-х светит и на глубине. Активнойшая, при этом спокойная и приятно прогнозируемая жизнь. Хочешь — учи английский язык, подобно эпизодическому персонажу в самом начале повествования, хочешь — молись Богу, как некая тётенька, чья собака разорвала штаны проезжому паренёку Володе. Можно — в Сибирь, на Дальний Восток, в пески, на море, а главное — в космос. А тут какие-то штаны.

Ерунда! Всегда есть тот, кто зашьёт брюки, даст поест и бесплатно приютит. Всё — легко. Хомо сапиенсы — братья и сёстры. Всё — ветер. Одна из пунктирных линий сюжета — свадьба Саша, который до последнего момента не взял отсрочку от армии, не купил костюм, да и вообще всё тут происходит быстро и незваначи. В мире бесконечных возможностей не надо беспокоиться о будущем — оно всё равно придёт. У витрин ГУМа снята маленькая, но примечательная сцена. Коля спрашивает Сашу: "А давай лодку купим?" И продолжает: возьмём отпуск и по-

дромных размеров, но ещё и слуга-полотёр. Мэтр — столь же обычный, как и молодые ребята. Всё просто.

И главное, что сил много. Когда люди живут в беспредастном "потоке", они вообще не устают. Метростроевец после ночной смены проводит весь день со своими друзьями, а потом едет опять в ночную смену. И эти мальчики и девочки знают, что их ждёт ещё более интересная, волнующая жизнь, а молодость, столь бурно протекающая, не кончится вообще никогда. И самый ужас, что это поколение потом заполучило такую коллективную депрессию, что даже нам — их детям — жалко до слёз. Коммунизм, обещанный шестидесятиникам, не состоялся. И возможности оказались ограниченными. Вот сюжет, а?

В ЗАЩИТУ ДЫНИНА

Фильм "Доброе пожаловать, или Посторонним вход воспрещён"(1964) — конечно, шедевр, соз-

ставляет и Дынина, и свою вожатую. Пропажка ребёнка — это ЧП, разбирать которое стали бы не только на партком, но и в милиции. Я знала такие случаи уже в 1980-х, когда дети сбежали из лагеря (бывало и к себе домой, ибо "хочу к маме!")...

Воспоследовала чудовищная нервотрёпка для персонала, о которой даже мне — стороннему лицу — противно вспоминать. Над ними висела статья УК. Но вернёмся к Иночкину. Тот, сделав вид, что уехал, пробрался в лагерь и спрятался — к восторгу заскучавших деток, у которых появился смысл бытия, вроде поиска пиратского клада или игры в казаков-разбойников. (Да, здесь важный нюанс: Костя преспокойно отпускают, зная, что с советским ребёнком ничего не случится в дороге, но и тогда бывало всякое).

Дынин угнетает отдыхающих? Он требует дисциплины. Всё. Авторы высмеивают "график привеса", а это не смешно — большинство детей именно в пионерлагерях нормально питались и добирали вес до приемлемых величин. Государство тогда заботилось гораздо лучше родителей, вечно занятых на производстве или в НИИ. Таких принцесс, как моя мама, что была примерно как Митрофанова (дочь начальника) и худела в течение смены, так как привыкла к разносалам (и не хотела в столовой ничего есть, кроме компота), было мало. Позже мама шутила, что "портिला всю линию привеса".

Дынин — понимающий мультяшек. Не злой и не мерзкий. Он не накашивает симулянт, вызвавший у себя неопасную, но вызывательную сыпь при помощи крапивы, и особо никого не навязывает. Безусловно, маскарад с Кукурузой — царией полей выглядит по-дурацки, но программы "родительского дня" не подразумевали свободы самовыражения. Мне очень запомнился монолог Дынина, который "тоже был пионером" и жил в палатках, как большинство детей 1930-х годов. Сам Евгений Евстигнев в 1926 года рождения, будем считать, что его персонаж того же возраста.

А теперь — корпуса и горячая еда, приготовленная поварами, а не на костре. Для того поколения одно это казалось сказкой, но её (сказку) не ценили даже юные вожатые, выращенные трепетными отцами-победителями. Ещё в 1950-х, когда как раз моя мама эдздила в лагерь от Мосэнерго, каменные корпуса считались "люкс" — рядом с ними располагались дети работников чаеразвесочной фабрики, и

ВОИН-МИРОТВОРЕЦ

Книга о генерале Геннадии Трошове

Мы поражаемся многогранной душевной одарённости героя воспоминаний: вот он играет на многих музыкальных инструментах, вот он, ребёнком, ныряет в горную речку и спасает девочку, вот он первым осознаёт опасность информационной войны против России и пишет несколько талантливых, разошедшихся полумиллионными тиражами книг о событиях в Чечне, где открыто, ясно и прямо расставляет все точки над "и", поясняя причины, суть конфликта и способы выйти из него с пользой для обеих сторон.

Много в книге поднято непростых вопросов, описано сложные и драматических обстоятельства жизни постсоветской России. Мы сопереживаем Г.Н. Трошеву в моменты клеветнической кампании в российских СМИ, направленной против армии и генералитета, мы поражаемся его выдержке и умным, достойным ответам и действиям "на опережение" (например, отражённым в "Откровенном разговоре (Беседе с Бенедиктовым)").

Мы грустим в момент его "почётной ссылки". Мы восхищаемся его военными и литературными талантами, но и личной скромностью, и тем, как, не выпячивая своё участие, Геннадий Николаевич творил добрые дела.

Мы потрясены его безвременной гибелью в авиакатастрофе при полёте в Пермь... в его день — День танкиста...

Читая эту книгу, мы не можем не отметить преемственность в российской армии: генерал Великой Отечественной войны Ватутин, генерал Трошев, генерал-майор Роман Кутузов. Боевые генералы, патриоты, заботящиеся о личном составе и наделённые большой храбростью. Переключаются события сегодняшнего дня и дней минувших. 5 июня этого года в ходе спецоперации на Украине погиб генерал-майор Роман Владимирович Кутузов. Невосполнимая утрата... Однако, находясь люди, критикующие Кутузова за его непосредственное участие в боевых действиях. Но вчитайтесь в слова его предшественника, Героя России Геннадия Трошева, приведённые в книге Натальи Белокобыльской и Геннадия Алёхина "Генерал": "На вопрос Николая Асташкина (специального корре-

спондента газеты "Красная звезда"), "зачем вы то и дело мотаетесь на передний край, летаете над территориями, занятой противником, — разве это уровень командующего группировкой?", Геннадий Николаевич отвечал, что находясь в 15 км от переднего края и занимаясь только планированием операции, можно упустить результат. "Командир должен действовать не по шаблону и быть там, где нужно, где требуется его помощь. Да, это не мой уровень, но я с этим не считаюсь, я всё отобраываю — лишь бы жертв не было".

И летел на вертолёте к старейшинам сёл разговаривать и договариваться, убеждать и разъяснять. И добивался полного успеха. За такую свою позицию полкововец суворовской и ермоловской школ был в Чечне признан народным дипломатом, и во многом именно ему Россия обязана успешным разрешением искусственно созданного чеченского конфликта, направленного на разрушение России.

Но в жизни вышло наоборот. И теперь славные сыны чеченского народа плечом к плечу стоят рядом с русскими братьями и дают отпор международному фашизму на территории Украины.

Приёмы и мировоззрение Геннадия Николаевича, его благородный характер, его личные таланты вдохновляют полководцев, наших современников. В своих книгах и своими действиями генерал Трошев наметил успешный путь урегулирования конфликтов между народами. Вчитайтесь в строки этой книги воспоминаний, увидите своими глазами этого человека, услышите своими ушами его слова, сказанные тому или иному собеседнику, осознайте реальные результаты его действий — и перед вами, читатель, откроется путь примирения, казалась бы, непримиримого, усмирения неусмиримого и восстановления, казалась бы, безвозвратно разрушенного. Рецепт боевого генерала Геннадия Николаевича Трошева — победителя, но и миротворца.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об авторе: Белокобыльская Наталья Геннадьевна — дочь Генна-

Ирина ПИЧУГИНА

дия Николаевича Трошева, президент Фонда патриотического воспитания молодёжи имени генерала Трошева. Геннадий Тимофеевич Алёхин — соратник и друг, хорошо знавший Геннадия Трошева. Геннадий Алёхин — боевой офицер, полковник запаса, военный журналист, руководитель информационной службы группировки федеральных войск в период контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона, ныне военный обозреватель.